

УДИВИТЕЛЬНАЯ эта опера «Кармен»: вся ее музыка словно рождена из капризов и порывов, чувств и воли одной женщины, своеобразной и смелой, пленительной красоты и неукротимой энергии. Любовная страсть — ее стихия, жизнь ее — в мгновении, воистину прекрасном для каждого, кто вместе с ней его переживает.

Кармен — натура могучая и нежная. Порою она хитрит, и ее улыбки не всегда красивы, но она и смерть встретит с высоко поднятой головою ради взгляда любимого; она неумолима с теми, кого презирает, и беззаветно предана друзьям. Цельность ее натуры неоспорима, ее искренность подкупает, но быстрая, капризная смена настроений делает ее загадкой, а любовников — мучениками.

Вся жизнь ее — игра. На успех могут надеяться и бездельники-юноши, что поджидают ее у ворот фабрики, и пошловатый, самовлюбленный капитан, скромный, неприметный солдат Хозе и великолепный тореадор. Их, впрочем, может ожидать и другое: когда Кармен уйдет, лучше ей не становиться поперек дороги: это ее право, и свободой она дорожит больше жизни. И все же именно скромный Хозе не ушел из ее жизни незаметно и не рошца, как, может быть, хотелось самой Кармен.

Бизе, казалось, соединил несовместимое. «Кармен» и Кармен исключительно народны не только по стилю, но и по душевному складу — пылкой страстности и гордой красоты. С другой стороны, музыка ее не лишена черт изысканности, той нервной чувствительности, которая столь присуща французской лирической драме.

Поэтому весь этот образ возникает в свергающем сиянии парадоксов: музыка ее то вспыхивает фейерверком разноцветных огоньков, то, наоборот, уходит вглубь, к самому сокровенному. Жгучая и страстная, она возникает в стремительном натиске ритмов, в ней запечатлена пластика народной танцевальности, ее изидчество и грация, и тогда она неделима подобно радуге. Порою же тончайшие нюансы слова, его крася выносятся на поверхность мелодики, и это обуславливает капризную игру светотени, богатство оттенков.

Даже ночью она принадлежит солнечному дню, все в ней досказано, определено, ярко. Но вот другой полюс этой музыки: трагическое переживание, предчувствие рокового исхода, трудная борьба за право любить привносят в нее драматическую напряженность.

Сыграть и спеть партию Кармен легко и трудно. Легко потому, что опера эта — едва ли не самая популярная — имеет огромную исполнительскую традицию, понятна по существу и в каждой детали. Как это ни парадоксально звучит, даже при посредственном исполнении она способна доставить наслаждение, так как музыка говорит сама за себя и сценическое ее воплощение могло бы довольствоваться самым малым.

Но эта роль и огромной трудности. Конечно, в опере все условно, и воображению часто приходится дорисовывать то, что отвергает ошерная специфика, проходить мимо изъянов постановки и исполнения во имя цельности впечатления, прощать исполнителям юных героев их преклонный возраст и другое. Иногда эти условности простираются слишком далеко, и мне кажется, что «Кармен» может примириться с любой из них, кроме одной: исполнительница главной роли должна быть прекрасной, темпераментной, неотразимой. Только тогда вы ощутите правду в невероятной истории, которая разыгрывается перед вами.

Ирина Архипова, выступившая на днях в этой роли на сцене нашего театра, оставила именно такое впечатление ясной и прежде всего замечательным певцом. Обладая выдающимися вокальными данными и прекрасно осознавая их возможность, она захватила нас прежде всего своей музыкальностью, безукоризненностью интонации и фразы, проникновением в суть образа. Архипова — певица драматического склада (поэтому, между прочим, одна из самых больших удач в сценической биографии актрисы — исполненная недавно роль принцессы Эболи в опере Верди

«Дон-Карлос»). Гордое свободолобие — основная черта в характере Архиповой — Кармен. Из многогранной музыки «Кармен» актрисе, как мне показалось, ближе всего трагедийные моменты (сцена гадания, эпизоды столкновения с Хозе, финальный дуэт) — в них она вкладывает глубокое психологическое содержание, покоряющую силу.

«Хабанера», «Сегедилья» и песенка «Ты слышишь, бубен зазвучал» в ее исполнении прозвучали сдержанно, а для любителей сплошных эмоций, может быть, и несколько вяло. Архипова отбрасывает все внешнее, бьющее на эффект, она очаровывает Хозе не столько вызывающей фривольностью, сколько внутренней страстностью, манищей в прекрасную даль мечтательностью.

Эти моменты, быть может, и не самые ярчайшие в партитуре Бизе, замечательно были выявлены в исполнении Архиповой. Воодушевленная преданностью и силой чувства Хозе, Кармен стремится увлечь его в горы, к контрабандистам, и в голосе ее воплощены грезы о вольной жизни. В сущности, этой, идущей изнутри мечтательностью пронизана

Дуэль любови

вся партия Кармен — Архиповой, и именно она придает ее страсти возвышенно-романтический характер. Этим она убеждает нас и тогда, когда она отвергает Хозе.

Последнему, как об этом слишком часто и слишком усердно пишут музыкальные критики, Бизе отвел относительно скромную роль — и по музыке и по драматическому содержанию. Ему, как утверждают, ближе мещанский уют, и заурядная девушка Микаэла вполне соответствовала бы в качестве жены его идеалам. Против воли Хозе влюбился, дезертировал, стал контрабандистом, даже в горах не потерял тягу к спокойной, добродетельной жизни (между прочим, помнится немецкий фильм на этот сюжет, где добропорядочность Хозе была подчеркнута преданностью солдатскому долгу). К этому надо добавить, что довольно часто на сцене мы видим и таких Хозе, которым любовь Кармен, по всей видимости, не доставляет никакого удовольствия, кроме мучений. Они выглядят жертвами роковой страсти, потому и непонятной — диву даешься, как она могла поселиться в столь заурядной личности.

Таков ли Хозе — З. Анджапаридзе? Нет и нет! Это противоречило бы актерскому Я, всему художественному облику этого замечательного артиста.

З. Анджапаридзе дорог нам именно тем, что любую роль он в состоянии заполнить своей личной обаятельностью, непосредственностью, душевной мягкостью, гармонично сочетающейся с мужественностью. Есть актеры, полностью владеющие искусством перевоплощения (нельзя же предполагать, что все Яго играют лишь самих себя). З. Анджапаридзе же в любой роли выглядит прежде всего самим собой, и именно это и привносит в нее черты живого, неповторимого характера.

Мне кажется, что если бы существовал какой-либо разлад между внутренней настроенностью З. Анджапаридзе и исполняемой им ролью, то мы бы это сразу ощутили, ибо его пение потеряло бы свою главную прелесть: искренность и естественность выражения. Музыка, которую он поет, и игра (ибо все его сценическое поведение неотделимо от нее), настолько насыщена его эмоциями, что создается впечатление, что она зарождается в нем и в это мгновение.

Итак, все же каков Хозе — Анджапаридзе? Образ, с которым мы не впервые встречаемся и который из года в год совершенствуется, углубляется? Хозе — это

прежде всего человек большой внутренней силы, душевной чистоты, стойкий и непоколебимый.

Микаэла, думы о матери... Стоит Хозе соприкоснуться с ними, как музыка его телест, наполняется лаской, той пленительной мужественной нежностью, которая пленяет в истинных героях. Это не вторая натура Хозе, а исходный пункт для Анджапаридзе, именно в силу этого и вызывающий симпатию и сочувствие.

Хозе — Анджапаридзе тоже со всей страстностью своей могучей природы отдается любовному влечению. Это тоже цельная натура — волевая и непреклонная, а не жалкая жертва чьей-то прихоти. Замечательно решена сцена «Сегедилья» Анджапаридзе-актером. Все более воспламеняясь любовной песенкой Кармен, он подобно коршуну кружится вокруг прелестной узницы, не в силах отойти от нее. Вы начинаете верить, что перелом мог произойти внезапно и бесповоротно, столь искренно звучит его предостерегающая мольба и столь большим чувством окрашено первое любовное признание: «Кармен, я рассудок теряю».

Хозе страдает и любит, но какой внутренней силой, какой убеждающей страстностью пронизана в исполнении Анджапаридзе знаменитая песенка о цветке, заставившая гордую цыганку склонить голову, сменить ярость на нежность.

Весь спектакль между Архиповой — Кармен и Анджапаридзе — Хозе идет поединком, поединком двух непримиримых стремлений, темпераментов, мировоззрений. Поединок, достигающий своей кульминации, естественно, в финальной сцене.

Этот эпизод — наибольшая актерская удача наших гастролеров. С захватывающей силой был передан весь хаос переживаний, окрашивающих финал оперы Бизе в трагедийные тона: суровая непреклонность Кармен и мольба Хозе, устремленность навстречу новой страсти и готовность примирения, вспышки ярости, гнева и порывы любви, угрозы и решимость не лгать даже перед лицом смерти.

Да, это была дуэль любви, любви жестокой и неумолимой. Прекрасной.

Гиви ОРДЖОНИКИДЗЕ.